

УДК 327+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_175

КЛЮЧЕВЫЕ РЕСУРСЫ И СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ АФРИКАНСКИХ СТРАН

Рецензия на книгу: Tella, O. (2021). *Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*. Abingdon: Routledge

Егор Александрович Вепрев,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
egor.veprev99@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Вепрев Е.А. Ключевые ресурсы и специфика изучения мягкой силы африканских стран // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 175–187. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_175

Аннотация

За последние два десятилетия имидж Африки заметно изменился: из «безнадежного» континента она превратилась в «поднимающийся» регион, что отмечено и более частым включением ее стран в глобальные рейтинги мягкой силы. Однако научных исследований в данной области по-прежнему мало, а их охват ограничен самыми влиятельными державами – ЮАР и Нигерией. Настоящая статья представляет собой аналитический обзор книги «Мягкая сила Африки: философия, политические ценности, внешняя политика и культурный экспорт» (*Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*), автором которой является южноафриканский политолог Олувасеун Телла (Oluwaseun Tella). Проведенный анализ позволяет выделить в данной работе три проблемно-тематических блока. В первых, изложение критериев отбора рассмотренных случаев и оценка предыдущих

© Вепрев Е.А., 2022

исследований. Во-вторых, разработка методологии: ее основой служат концепция мягкой силы Дж. Ная, которую автор книги подвергает деамериканизации и африканизации, а также элементы SWOT-анализа. В-третьих, собственно обзор достоинств и уязвимостей мягкой силы Нигерии, ЮАР, Египта и Кении, рассуждения о потенциале континента в целом. Автор опирается на огромный объем фактологического материала, свидетельствующего о серьезном потенциале выбранных государств Черного континента в области мягкой силы, в том числе в глобальном масштабе. В книге предпринята успешная попытка придать первоначальной концепции Дж. Ная африканскую специфику через включение в состав источников мягкой силы местных традиционных философских концепций, при этом подчеркивается их аксиологическая значимость как моделей развития, альтернативных западному индивидуализму и реализму. Высокой степенью научной новизны характеризуются главы, посвященные Египту и Кении, поскольку литературы по данным странам почти нет. Работа обладает большой исследовательской и просветительской значимостью, объединяя и актуализируя большую часть того, что известно о мягкой силе Африки в настоящий момент.

Ключевые слова:

мягкая сила, африканские философские учения, деамериканизация, африканизация, Нигерия, ЮАР, Египет, Кения.

UDC 327+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_175

KEY RESOURCES AND SPECIFICS OF STUDYING SOFT POWER OF AFRICAN COUNTRIES

Book review: Tella, O. (2021). *Africa's soft power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*. Abingdon: Routledge

Egor A. Veprev,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
egor.veprev99@mail.ru

Article received on December 30, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Veprev, E.A. (2022). Key Resources and Specifics of Studying Soft Power of African Countries. *Discourse-P*, 19(1), 175-187. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_175

Abstract

Over the past two decades, the image of Africa has changed markedly: from a “hopeless” continent, it has turned into a “rising” region, which is also noted by the expanding inclusion of its countries in global soft power rankings. However, the number of scientific studies in this area is still quite small, and their coverage is limited to the most influential powers – South Africa and Nigeria. This article is an analytical review of the book “Africa’s soft power: Philosophies, political values, foreign policies and cultural exports” by South African political scientist Oluwaseun Tella. The analysis makes it possible to distinguish three problem-thematic blocks in the reviewed work. The first of them is related to the selection criteria for the cases considered and an assessment of previous studies. The second block covers the development of a methodology: its basis is the concept of soft power by J. Nye, which the author of the book subjects to de-Americanization and Africanization, as well as elements of SWOT analysis. The third describes the advantages and vulnerabilities of soft power in Nigeria, South Africa, Egypt and Kenya, it also gives reasoning about potential of the continent as a whole. The book relies on a huge amount of factual material testifying to the serious potential of the selected states in the field of soft power, including on a global scale. The author makes a successful attempt to give the original concept of J. Nye an African specificity through inclusion of local traditional philosophies in the soft power sources, while emphasizing their axiological significance as development models alternative to Western individualism and realism. The chapters devoted to Egypt and Kenya are characterized by a high degree of scientific novelty, since there is almost no literature on these countries. The reviewed work has a huge research and educational significance, combining and updating most of everything that is known about the soft power of Africa now.

Keywords:

soft power, African philosophies, de-Americanization, Africanization, Nigeria, South Africa, Egypt, Kenya.

Введение

При рассмотрении различных регионов планеты с позиции мягкой силы Африка на первый взгляд кажется одним из мест, меньше всего подходящих под данный термин и порождающих в сознании преимущественно отрицательные образы – нищета, болезни, преступность, войны, терроризм. В 2000 г. журнал *Economist* даже назвал ее «безнадежным континентом». Через 11 лет редакция изменила свое мнение, заговорив о «подъеме Африки», имея в виду высокие темпы экономического роста по всему материку. С тех пор регион все меньше понимается как «обреченный на отсталость», а его государства чаще ассоциируются с мягкой силой (Tella, 2021, p. 174). Так, если в *Global Soft Power Index 2020* от компании *Brandirectory* в числе 60 отобранных случаев оказалось только 4 африканских страны (ЮАР, Египет, Алжир и Нигерия)¹, то в рейтинге

---

¹ *Global Soft Power Index 2020* (n.d.). Retrieved December 4, 2021, from <https://>

2021 г. их уже 16 из 100 позиций (добавлены Марокко, Эфиопия, Тунис, Кот-д'Ивуар, Замбия, Камерун, Гана, Уганда, Кения, Танзания, Сенегал и Ангола)².

Однако собственно научных исследований в данной области мало, их объем увеличивается преимущественно за счет изучения только двух государств – ЮАР и Нигерии. Среди отечественных работ выделяется статья Д. А. Тарасовой «Потенциал «мягкой силы» Нигерии как региональной державы» (2019), достаточно развернуто демонстрирующая главные достоинства и недостатки западноафриканского лидера. В публикации О. Г. Леоновой «Мягкая сила – ресурс внешней политики государства» (2013) в качестве особого раздела представлен анализ мягкой силы ЮАР через сформулированную президентом Табо Мбеки в 1998 г. концепцию «африканского ренессанса», которая проникнута местной философией Убунту. В статье «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния» О. Г. Леонова (2014) освещает и другие ресурсы привлекательности Претории – добровольный отказ от ядерного оружия, миротворчество и интеграционные усилия на континенте, эволюционная трансформация от режима апартеида к демократической и толерантной системе управления.

И все же в целом в российском дискурсе Африка по-прежнему воспринимается лишь как объект воздействия мягкой силы мировых держав, главным образом Китая. В этой связи весьма актуальной и значимой является книга «Мягкая сила Африки: философия, политические ценности, внешняя политика и культурный экспорт» (*Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*), опубликованная в 2021 г. издательством Routledge, импринтом международного издательства Taylor & Francis. Ее автор – Олувасеун Телла (*Oluwaseun Tella*), старший научный сотрудник, директор «Дипломатии будущего» в Институте будущего знаний Йоханнесбургского университета, в 2015 г. получивший степень доктора политических наук в Университете Квазулу-Натал (ЮАР). Сам он представляет свой труд как «первую публикацию книги об африканской мягкой силе» (Tella, 2021, p. 1), что с учетом степени изученности данного поля не далеко от истины.

Результаты исследования

Основой методологии работы является концепция мягкой силы, которую автор подвергает деамериканизации и африканизации. Изначально Дж. Най провозгласил ресурсами мягкой силы культуру, политические ценности (идеологию) и институты внешней политики, однако такая трактовка выглядит заметно смещенной в пользу США, подчеркивая их глобальное доминирование. В настоящее время данное понятие перенято, адаптировано учеными со всего мира (Tella, 2021, p. 15) и включает в себя намного больше источников, что рассматривается в работе на примере стран БРИКС. Так, для Китая мягкая сила – это все, что находится за пределами военной сферы и безопасности, в том

brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2020.pdf

² *Global Soft Power Index 2021* (n.d.). Retrieved December 4, 2021, from <https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf>

числе инвестиции, торговля, помощь, участие в многосторонних организациях, а также более терпимая и прагматичная альтернативная модель мирового развития – Пекинский консенсус; для России – природные ресурсы (нефть и газ), язык и идеология суверенной демократии; для Индии – огромная диаспора, буддизм и йога; для Бразилии – пацифизм и звезды футбола, приносящие успехи на соревнованиях (р. 175). Что касается государств Африки, то автор считает ключевым компонентом их мягкой силы традиционные этико-философские учения, основанные на морали и коллективизме в противовес международному реализму и западному индивидуализму: нигерийское Омолуваби, южноафриканское Убунту, египетский фараонизм и кенийское Харамби (р. 28).

Условно содержание данной книги можно разделить на 3 основных тематических блока.

Первый блок включает введение (оно же глава 1), где обосновывается отбор случаев, рассмотренных в работе, и оцениваются предыдущие исследования мягкой силы африканских держав. Главными факторами включения страны в анализ стали наличие местной традиционной философии и распределение по четырем ключевым субрегионам – Южный (ЮАР), Западный (Нигерия), Северный (Египет) и Восточный (Кения). Если ведущая роль двух первых государств как локальных гегемонов, крупнейших экономик и главных миротворцев не оспаривается никем, то двум последним в этом плане приходится вступать в конкуренцию с соседями. Однако выбор Египта обоснован его репутацией «колыбели цивилизации» и передовой арабской страны, оказывающей влияние не только на Северную Африку, но и на Ближний Восток (Tella, 2021, р. 3). Опираясь в планировании своего исследования на международные рейтинги, автор отмечает, что в *Global Soft Power Index 2020* входят все отобранные случаи за исключением Кении, которую заменяет Алжир, к тому же превосходящий ее по огневой мощи³; с другой стороны, Найроби занимает более высокую позицию в экономическом плане (р. 4), будучи по данному критерию лидером в Восточной Африке.

Что касается предшествующей научной литературы по теме, ставшей источниковой базой для книги, то применительно к мягкой силе ЮАР она затрагивает все рассмотренные Теллой аспекты: либеральную конституцию и политический переход (Sidiropoulos, 2014), знаковых лидеров, музыку, мильные оперы, университеты, спортивные мероприятия, этническое и расовое разнообразие (Ogunnubi & Okeke-Uzodike, 2015). Имеются и критические статьи, отмечающие вредоносные для мягкой силы ксенофобию и противоречивую политику в области прав человека (Westhuizen, 2016; Ogunnubi & Amao, 2016); здесь особо необходимо отметить научный вклад самого Теллы, выраженный в более ранней работе, где он объединяет анализ слабых сторон, дополнительно включая экономические проблемы – бедность, неравенство и безработицу (Tella, 2018a).

Также автору принадлежит самый полный обзор мягкой силы Нигерии, послуживший основой соответствующей главы (Tella, 2018b), хотя в компаративных исследованиях с ЮАР были выделены и другие факторы, не отмеченные им или отмеченные незначительно, такие как, с одной стороны, мегацеркви, еда,

³ *African Military Strength 2021* (n.d.). Retrieved December 8, 2021, from <https://www.globalfirepower.com/countries-listing-africa.php>

язык, одежда, спортивные мероприятия и шоу *Big Brother Naija*, с другой – высокий уровень неравенства и загрязнение окружающей среды (Akinola & Ogunnubi, 2020; Ogunnubi & Isike, 2015, 2018). В отношении Египта и Кении выделяется по единственной работе, которые к тому же посвящены только одной избранной стороне их мягкой силы (El Rehim, 2017; Mwanika, 2014): в теоретическом плане можно считать такое положение вещей исследовательским преимуществом, поскольку главы 5 и 6 книги отличаются высокой научной новизной, но с практической точки зрения, по мнению Теллы, оно свидетельствует о том, что Каир и Найроби пренебрегают данным аспектом влияния во внешней политике (Tella, 2021, p. 7).

Второй тематический блок – посвященная методологии исследования глава 2, которая называется «Деамериканизация и африканизация мягкой силы». Приступая к первой процедуре, автор закономерно опирается на опыт прочих стран БРИКС и еще во введении приводит ряд утверждений, обосновывающих место ЮАР в организации именно ресурсами мягкой силы, благодаря которым она может, в частности, бросить вызов доминированию Соединенных Штатов в Африке (Tella, 2021, p. 5). Как уже было сказано, по мнению Теллы, определение мягкой силы, данное Дж. Наем, разработано для США и подчеркивает их глобальное доминирование за счет популярной культуры, либеральных ценностей и внешнеполитических институтов, в то время как другие страны достигают внешнеполитических целей, используя в качестве ресурсов мягкой силы и прочие инструменты, даже те, которые традиционно относятся к жесткой силе. Применительно к Африке на роль дополнительного специфического компонента автор предлагает традиционные философские течения, до сих пор не освещенные ни в одном исследовании.

Нигерийский концепт *Омолуваби* означает воплощение хорошего характера, некоего идеала, к которому должен стремиться каждый. Данное учение состоит из двух аспектов – описательного и нормативного. Согласно первому, добродетельный человек должен быть честным, скромным, мужественным, трудолюбивым, терпимым, верным традициям, социально ответственным, а также соблюдать правила, обладать самодисциплиной и самоконтролем, бескорыстно служить человечеству (последние черты особенно актуальны в контексте перспектив использования *Омолуваби* в борьбе с коррупцией). Второй аспект – это стандарт приемлемого поведения в обществе и этического управления. Например, урегулирование конфликтов производится через обращение к совести его сторон и при участии старейшин, решения принимаются только после консультаций и переговоров, гарантируется равный доступ к экономическим, социальным и политическим ресурсам. Таким образом, данная философия имеет особое практическое выражение в миротворческой деятельности Нигерии и несет в себе важный урок для выстраивания «благого управления по-африкански», основанного на демократии, справедливости и моральной отзывчивости (Tella, 2021, pp. 31–32, 55).

Южноафриканское учение *Убунту*, означающее «человечность», подчеркивает ценности заботы, прощения, взаимной ответственности, равенства и общности. Претория более остальных преуспела во встраивании этических принципов в свою политику: амнистия лицам, виновным в нарушении прав человека во времена апартеида, миротворческая деятельность, многосторон-

ность в отношениях с государствами на международной арене, стремление к справедливому миропорядку. Являясь также «философией освобождения», Убунту осуждает расизм и сексизм, акцентирует внимание на демократии и человеческом достоинстве – главных ценностях ЮАР после апартеида; выживание социума определяется общностью и разделением обязанностей, а власть должна осуществляться на основе консенсуса. Индивид оказывается глубоко вплетенным в социальную структуру, основанную на гуманизме и коллективистском существовании в противовес реалистическому и индивидуалистическому пониманию международной политики, которое предполагает конкуренцию, нарушающую мир и безопасность (Tella, 2021, pp. 28–29, 93).

Национальный девиз Кении *Харамби* («Давайте соберемся вместе») означает добровольческие проекты по самопомощи, в которые каждый член местной общины вносит вклад по мере своих способностей; таким путем создаются школы, медицинские центры, общественные здания, дороги, плотины, мосты, инфраструктура для водоснабжения. Данная деятельность приносит множество положительных эффектов: предоставление общественных благ, борьба с нищетой, избавление правительства от избыточной нагрузки. Харамби включает в себя 4 основных принципа: стратегия развития «снизу вверх», коллективное благо в противовес личной выгоде, расставление приоритетов в соответствии с реальными потребностями большинства, максимальное использование местных ресурсов. Данный концепт также означает дух особой нации – сплоченной, гармоничной, социально и экономически инклюзивной, где все имеют равные возможности для реализации своего потенциала. Таким образом, Харамби воспитывает самостоятельную общественность, осознающую, что ответственность за развитие лежит главным образом на ее плечах. Ценности этой философии ярко проявились в гуманитарной дипломатии, где Кения предпринимает ключевые усилия по развитию сотрудничества африканских стран (Tella, 2021, pp. 33–34, 154).

Фараонизм еще в 1920-е гг. предложил политические и правовые основания для деколонизации Египта, продемонстрировав его древнюю национальную самобытность; обращаясь к жителям Страны пирамид как к членам коллектива, находящегося вне времени, он способствовал примирению между классами, регионами и сектами. В настоящее время концепт продолжает определять внешнюю политику Каира, подкрепляя его панарабистские устремления статусом старейшей, главной и самой ценной нации Ближнего Востока и Северной Африки. Фараонизм также заставляет Запад искать истоки своей цивилизации в Египте, поскольку даже Греция и Рим рассматривали его как образец в области законодательства, гражданского правосудия и наук. Главное отличие данной идеологии от Омолуваби, Убунту и Харамби заключается, таким образом, в представлении конкретных и абстрактных изменений образа территории и цивилизации; кроме того, фараонизм неразрывно связан с туристическим аспектом, демонстрацией исторического, культурного и символического наследия, а также литературой и образованием (Tella, 2021, pp. 35–36, 125).

В остальном концепт мягкой силы для африканских держав, судя по содержанию последующих глав, представляет собой нечто среднее между первоначальным пониманием Ная и незападными адаптациями. С одной стороны, без культурного достояния проекция мягкой силы вряд ли возможна в принципе.

Таковыми источниками служат: нигерийские фильмы, Голливуд – вторая по величине киноиндустрия мира, популярная по всей Африке и среди эмигрантов за ее пределами, в том числе в США и Великобритании (Tella, 2021, р. 42); артисты афробитов, привлекающие таких звезд, как Бейонсе и Снуп Дог, сервисы *iTunes, Shazam, YouTube, Apple Music* и *Spotify*, крупнейшие звукозаписывающие компании *Sony* и *Universal* (р. 48); литература (Воле Шойинка – нобелевский лауреат); южноафриканские мыльные оперы; кенийская одежда, представленная в ключевых бутиках США, Канады, Нидерландов, на Неделе моды в Нью-Йорке (р. 150); египетское историческое наследие. В создании внешнеполитических институтов Абуджа и Претория также имеют существенные достижения, а их деятельность еще и наполнена «должным идеологическим содержанием», из-за которого последнюю даже считают на континенте «марионеткой Запада» (р. 117): активное участие в миротворческих операциях ООН, ключевая роль в становлении Африканского союза, продвижение идей демократии и прав человека; Конституция ЮАР считается одной из самых либеральных в мире; есть в данных областях и концепции незападного характера, такие как египетский панарабизм или кенийское панафриканство. С другой стороны, в ход идут и альтернативные факторы: спортивная дипломатия (Чемпионат мира по футболу 2010 г. в Южной Африке, влияние Мохаммеда Салаха, победы кенийских легкоатлетов); граничащая с жесткой силой экономическая дипломатия, в частности, нигерийский Корпус технической помощи, действующий в странах Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, служащий примером для аналогичных организаций Канады и Японии (р. 58); высококвалифицированные египетские рабочие, рассеянные от Персидского залива до Северной Америки, денежные переводы которых порой достигали 6% ВВП страны (рр. 129–130); кенийский порт Момбаса, служащий точкой доступа к соседним государствам Центральной Африки (р. 158), престижное высшее образование и знаковые лидеры (Нельсон Мандела, Табо Мбеки) в ЮАР; туризм в Кении – Национальный парк Найроби, Культурный фестиваль Русинга, Маралалское верблюжье дерби (р. 152). Сюда же можно отнести и регулярно подчеркиваемые Теллой традиционные философские концепции – несмотря на применение их принципов во внутренней и внешней политике, это, конечно, не идеологии (кроме фараонизма), а своего рода жизненные уклады или этические учения.

Примечательно, кстати, что, анализируя опыт Китая, автор сначала пишет о большей стратегичности диктатур в использовании мягкой силы (Tella, 2021, р. 17), что как бы подчеркивает определяющую роль государства, а потом утверждает, что ее проекция, напротив, лежит преимущественно в сфере гражданского общества, из-за слабости которого Поднебесной не удастся должным образом использовать ресурсы для глобального продвижения своего бренда (р. 21). В дальнейшем Телла еще несколько раз употребляет данное замечание, придерживаясь тем самым трактовки Ная, где источники мягкой силы отражают атрибуты демократических государств.

Третий тематический блок составляют главы 3–6, где, собственно, последовательно анализируются достоинства и недостатки мягкой силы Нигерии, ЮАР, Египта и Кении; а также заключительная глава 7, посвященная рассуждениям о потенциале Африки в целом и тезисному изложению предыдущих разделов. Главный элемент научной новизны здесь – это, конечно, африканские фило-

софские учения, составляющие суть специфики мягкой силы стран Черного континента. Телла впервые включает данные идеалы в состав мягкой силы, особо отмечая их аксиологический потенциал. Делая акцент на коллективизме, человечности, единстве и рассматривая личность в неразрывной связи с обществом, они представляют собой альтернативу западному индивидуализму, либеральной демократии и международному реализму, основанному на страхе, недоверии и силовом продвижении узких эгоистических интересов в ущерб общему благу (Tella, 2021, pp. 28–29, 32). По мнению Теллы, ценности Убунту и Омолуваби, если из них будет черпать вдохновение весь мир, позволят не только преобразовать государственное управление и правовую систему в Африке, искоренив коррупцию, но и построить более щедрый и справедливый экономический миропорядок, даже выработать более демократичную модель политического строя, создать многополярную и многостороннюю международную систему (pp. 30–32). Харамби несет полезный опыт сотрудничества государства с НПО и общественностью, содержит урок взаимной ответственности, самостоятельности и самопомощи для граждан, которые часто излишне полагаются на правительство в предоставлении социальных услуг (pp. 34–35).

Поскольку предыдущие исследования мягкой силы Нигерии и ЮАР являются достаточно многоаспектными и всеобъемлющими, в заслугу автора можно поставить применение элементов SWOT-анализа и сведение воедино достоинств и уязвимостей данных стран, в том числе основываясь на собственных более ранних работах. Примечательно, что в главу о Нигерии включен такой пункт, как борьба с влиянием на континенте мировых и великих держав – США, Китая и Франции (Tella, 2021, pp. 72–75); было бы интересно рассмотреть, актуальна ли подобная угроза для других отобранных случаев, и если да, то с чьей стороны и в какой форме (соперничество Египта с Турцией и Ираном рассматривается Теллой в контексте борьбы за гегемонию на Ближнем Востоке, а не в Северной Африке). Самой высокой степенью научной новизны характеризуются главы 5 и 6, поскольку, как уже было сказано, выбор соответствующих стран, особенно Кении, не столь очевиден, и работ по ним почти нет. Несмотря на то, что фараонизм как идеология и форма египетского национализма исследован лучше, чем прочие философии, а изучением исторического наследия Страны пирамид занимается отдельная наука – египтология, в соответствующей главе это и многое другое детально анализируется через призму концепции мягкой силы. Аналогична ситуация с Кенией. Стоит отметить, что автор выделяет ее осторожную и миролюбивую внешнюю политику, даже позицию «неохотного» субрегионального гегемона, мирное сосуществование и нежелание вмешиваться во внутренние дела других стран (pp. 155–156) в качестве достоинства наравне с миротворческой деятельностью Нигерии и ЮАР и египетским панарабизмом. С другой стороны, Найроби играет ключевую роль в объединении (в духе Харамби) всех государств континента для выработки «африканских решений африканских проблем», в частности, в контексте борьбы с Международным уголовным судом. Здесь Телла подчеркивает такую важную исследовательскую проблему, как различие глобальной и региональной мягкой силы: в то время как претензии Гааги подорвали имидж Кении главным образом на Западе, среди государств Черного континента ее позиции лишь укрепились (pp. 163–164). Таким образом, оценка мягкой силы зависит от пространственно-институциональной

«системы координат», а это важно учитывать и уметь применять при адаптации концепции для незападных стран.

Заключительная глава отчасти имеет практический характер, поскольку в ней автор предлагает рекомендации, на какие проблемы и негативные факторы африканским державам необходимо обратить внимание в первую очередь, чтобы реализовать имеющийся потенциал мягкой силы. Прежде всего это связано с устранением такого явления, как взаимоисключение ее источников и слабостей. Например, сомнительное моральное право Нигерии продвигать демократию при ее внутреннем дефиците, участие в миротворческих операциях и невозможность полностью контролировать собственную территорию из-за деятельности террористических группировок; повседневная ксенофобия при либеральной конституции и многонациональности в ЮАР; панарабистский курс Египта, блокируемый падением геополитического влияния (Tella, 2021, pp. 176–177).

Заключение

Одним из основных и бесспорных достоинств исследования является включение в источники мягкой силы африканских философских учений, детальный анализ их содержания и в принципе оповещение таким образом широкой аудитории об их существовании и аксиологической значимости, акцентирование их потенциала как учений о человеке и обществе, альтернативных западным моделям. Действительно, этот культурно-цивилизационный ресурс и пример имеет и практическое (Харамби как возможный стиль и принцип функционирования местного самоуправления), и теоретическое значение, в том числе для нашей страны, которая также могла бы представить подобную систему, основанную на жизненном укладе и историческом опыте, к примеру, коренных малочисленных народов Севера. Кроме того, если в разделах, посвященных мягкой силе Египта и Кении, представлен столь же подробный и всеобъемлющий анализ, как в главах о Нигерии и ЮАР (об этом, правда, сложно судить из-за недостатка литературы), то автору удалось произвести существенный прирост научных знаний по данным темам, хотя в будущем, возможно, компаративные исследования выявят и другие, не затронутые в данной книге факторы. Заслуга Теллы также состоит в объединении в одном источнике того, что известно о мягкой силе Африки в настоящий момент, хотя простор для исследований, конечно, по-прежнему очень велик, и в самой работе неоднократно встречаются упоминания о влиянии Алжира и Эфиопии, есть чем гордиться также Руанде и Танзании, и многим другим странам, отмеченным в *Global Soft Power Index 2021*. Наконец, книга написана довольно доступным и понятным языком, содержит много фактологии по каждому источнику мягкой силы и, помимо прочего, возвращает читателя «к истокам», знакомя с первоначальной концепцией Дж. Ная.

С другой стороны, автор переоценивает значимость африканских философских концепций для международных отношений, поскольку неолиберализм, также критикуя реалистическую теорию, совпадает с ними по ряду основных положений: необходимость международного сотрудничества для достижения мира, прогресса и экономического благополучия, большая роль моральных стандартов, стремление к демократизации, решение глобальных проблем общими усилиями человечества, приобретение определенной выгоды каждым актором.

Также вызывает вопросы конкретное содержание деамериканизации и африканизации мягкой силы. Если первый термин означает расширение рамок концепции за пределы первоначально выделенных Наем областей и дополнение ее другими элементами, которые конкретная страна считает нужными и выгодными, то африканизация, по-видимому, ничем не отличается от деамериканизации, кроме обязательного включения в состав источников мягкой силы местных традиционных философий; понятие, которому придается такая важность, в итоге мало наполнено реальным содержанием. Наконец, работа носит ярко выраженный описательный характер и могла бы стать еще более полезной и интересной, а ее научная новизна еще выше, если бы дополнялась развернутыми рекомендациями по раскрытию потенциала мягкой силы не только в заключительной главе, но и в качестве вывода по каждому отобранному случаю.

Тем не менее книга Олувасеуна Теллы, существенно расширяя поле научных исследований мягкой силы стран Африки, привнося в него новые, не учтенные прежде компоненты и охватывая огромный объем фактологического материала, представляет собой весьма актуальный и значимый труд, выполняет мощную просветительскую функцию и обладает неоспоримой ценностью для дальнейших изысканий.

Список литературы

1. Леонова, О.Г. (2013). Мягкая сила – ресурс внешней политики государства. *Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer»*, (4), 27–40.
2. Леонова, О.Г. (2014). «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния. *Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer»*, (3), 18–28.
3. Тарасова, Д. А. (2019). Потенциал «мягкой силы» Нигерии как региональной державы. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, (3), 206–211.
4. Akinola, A., & Ogunnubi, O. (2020). Soft power or wasteful entertainment? Interrogating the prospect of 'Big Brother Naija'. *The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs*, 109(1), 71–85. <https://doi.org/10.1080/00358533.2020.1717088>
5. El Rehim, A. (2017). The potential of Egypt's soft power post Arab Spring. *Geopolitics under Globalization*, 1(1), 12–16. [https://doi.org/10.21511/gg.01\(1\).2017.02](https://doi.org/10.21511/gg.01(1).2017.02)
6. Mwanika, P. (2014). *Kenya's diplomacy on the Somali conflict and strategic intervention: Soft-power diplomacy and stabilization dynamics*. Newcastle upon Tyne: Scholar's Press.
7. Ogunnubi, O., & Amao, O. (2016). South Africa's emerging "soft power" influence in Africa and its impending limitations: Will the giant be able to weather the storm? *African Security*, 9(4), 299–319. <https://doi.org/10.1080/19392206.2016.1242978>
8. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2015). Regional hegemonic contention and the asymmetry of soft power: A comparative analysis of South Africa and Nigeria. *Strategic Review for Southern Africa*, 37(1), 152–177. <https://doi.org/10.35293/srsa>

v37i1.214

9. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2018). Nigeria's soft power sources: Between potential and illusion? *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31(1), 49–67. <https://doi.org/10.1007/s10767-017-9258-6>
10. Ogunnubi, O., & Okeke-Uzodike, U. (2015). South Africa's foreign policy and the strategy of soft power. *South African Journal of International Affairs*, 22(1), 23–41. <https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1007078>
11. Sidiropoulos, E. (2014). South Africa's emerging soft power. *Current History*, 113(763), 197–202. <https://doi.org/10.1525/curh.2014.113.763.197>
12. Tella, O. (2018a). Currencies, constraints and contradictions of South Africa's soft power. *Journal of Asian and African Studies*, 53(3), 420–436. <https://doi.org/10.1177/0021909616688336>
13. Tella, O. (2018b). Is Nigeria a soft power state? *Social Dynamics. A Journal of African Studies*, 44(2), 376–394. <https://doi.org/10.1080/02533952.2018.1492833>
14. Tella, O. (2021). *Africa's soft power: Philosophies, political values, foreign policies and cultural exports*. Abingdon: Routledge.
15. Westhuizen, J. van der. (2016). South Africa's soft power conundrum: How to win friends and influence people in Africa. *Journal of Political Power*, 9(3), 449–465. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232290>

References

1. Akinola, A., & Ogunnubi, O. (2020). Soft power or wasteful entertainment? Interrogating the prospect of 'Big Brother Naija'. *The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs*, 109(1), 71–85. <https://doi.org/10.1080/00358533.2020.1717088>
2. El Rehim, A. (2017). The potential of Egypt's soft power post Arab Spring. *Geopolitics under Globalization*, 1(1), 12–16. [https://doi.org/10.21511/gg.01\(1\).2017.02](https://doi.org/10.21511/gg.01(1).2017.02)
3. Leonova, O.G. (2013). Myagkaya sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva [Soft power as a resource of the state foreign politics]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal "Obozrevatel'-Observer"*, (4), 27–40.
4. Leonova, O.G. (2014). "Myagkaya sila": instrumenty i koeffitsienty vliyaniya ["Soft power": The tools and the influence coefficients]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal "Obozrevatel'-Observer"*, (3), 18–28.
5. Mwanika, P. (2014). *Kenya's diplomacy on the Somali conflict and strategic intervention: Soft-power diplomacy and stabilization dynamics*. Newcastle upon Tyne: Scholar's Press.
6. Ogunnubi, O., & Amao, O. (2016). South Africa's emerging "soft power" influence in Africa and its impending limitations: Will the giant be able to weather the storm? *African Security*, 9(4), 299–319. <https://doi.org/10.1080/19392206.2016.1242978>
7. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2015). Regional hegemonic contention and the asymmetry of soft power: A comparative analysis of South Africa and Nigeria. *Strategic Review for Southern Africa*, 37(1), 152–177. <https://doi.org/10.35293/srsa.v37i1.214>

8. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2018). Nigeria's soft power sources: Between potential and illusion? *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31(1), 49–67. <https://doi.org/10.1007/s10767-017-9258-6>
9. Ogunnubi, O., & Okeke-Uzodike, U. (2015). South Africa's foreign policy and the strategy of soft power. *South African Journal of International Affairs*, 22(1), 23–41. <https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1007078>
10. Sidiropoulos, E. (2014). South Africa's emerging soft power. *Current History*, 113(763), 197–202. <https://doi.org/10.1525/curh.2014.113.763.197>
11. Tarasova, D. A. (2019). Potencial “myagkoj sily” Nigerii kak regional'noj derzhavy [“Soft power” of Nigeria as one of the sub-Saharan leaders]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, (3), 206–211.
12. Tella, O. (2018a). Currencies, constraints and contradictions of South Africa's soft power. *Journal of Asian and African Studies*, 53(3), 420–436. <https://doi.org/10.1177/0021909616688336>
13. Tella, O. (2018b). Is Nigeria a soft power state? *Social Dynamics. A Journal of African Studies*, 44(2), 376–394. <https://doi.org/10.1080/02533952.2018.1492833>
14. Tella, O. (2021). *Africa's soft power: Philosophies, political values, foreign policies and cultural exports*. Abingdon: Routledge.
15. Westhuizen, J. van der (2016). South Africa's soft power conundrum: How to win friends and influence people in Africa. *Journal of Political Power*, 9(3), 449–465. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232290>

Информация об авторе

Егор Александрович Вепрев, магистрант, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2690-2040>, e-mail: egor.veprev99@mail.ru

Information about the author

Egor Aleksandrovich Veprev, Master degree student, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2690-2040>, e-mail: egor.veprev99@mail.ru